

Не плачь о розах знаменитых,
 Что на моих двелях ланитах,
 О Дафнис⁵ милый, все цветы
 Сошли в долину с высоты.

Мне, склонному к завершению задуманного, захотелось убедиться, смогу ли я довести начатое до благополучного конца. Я отваживаюсь; меня отвергают, меня бранят, мне угрожают, но на прощанье говорят: «Я поступила бы с вами еще более сурово, когда бы не боялась потерять вас еще раз». Это меня весьма обнадеживает; я снова принимаюсь за свое; меня отталкивают и заявляют, что мне позволено все, что же до главного, то на это пусть я не притязую. Потеряв надежду добиться желаемого, я прислушался охотнее чем когда-либо к предложению двух моих братьев совершить поездку в Италию; да и к тому же мне было всего восемнадцать лет, я находился в том возрасте, когда на месте не сидится.

Мы еще не успели окончательно договориться о нашем путешествии, а Вдова пришла уже в крайнее раздражение и стала проявлять его столь явственно, что все это заметили. Играя в кегли, она не хотела, как прежде, брать шар из моих рук и во всем вела себя крайне чопорно. Однако, пробыв у моей дамы четыре часа, я сумел ее умилостивить, разъяснил, в какое она повергает меня отчаяние, и смягчил ее до такой степени, что — худо ли, хорошо ли — добился того, о чем ее столь долго просил. Я уже готов был отказаться от путешествия или во всяком случае деловым образом положить на ее желание. Но дело было настолько решительным, что у нее хватило здравого смысла заявить мне, что ехать необходимо, ибо иначе могут возникнуть всякие толки. Поглядите только, какие причуды: дожидаться кануна моего отъезда! Еще и в следующий мой визит она позволила мне делать все, что я хотел; она дала мне свой портрет и захотела получить мой. Она одарила меня кольцами и браслетами; но ни она, ни я не додумались, по какому адресу писать друг другу. Затем я простился с моим соперником, который был необычайно обрадован моим отъездом.

В Ливорне, словно я не мог путешествовать, не влюбляясь, я безумно увлекся дочерью одного из наших друзей, у которого мы остановились. Девушка эта была хорошо сложена, довольно сурова, неглупа и обладала приятным голосом. Тут-то я не так оплошал, как в прошлый раз, ибо — не знаю уж по какому роковому стечению обстоятельств — эта девушка почувствовала ко мне расположение, хотя я был далеко не самый красивый из трех братьев; с первого же дня она заключила со мною союз и стала звать меня своею симпатией. Нас повели в сады Атеней, которые теперь называют Энейскими; мы с нею вдвоем немного отклонились в сторону, я был совершенно счастлив и чувствовал себя по меньшей мере Периндором или Мериндором.⁶ Через три дня пришлось уезжать, но я увез с собою браслеты из ее волос и разрешение писать,